

Д. А. Ананьев
**ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В. В ОСВЕЩЕНИИ
АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

doi: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-97-105

УДК 94(470)“18/19”

ББК 63.3(2)531

Цель статьи — анализ англо- и немецкоязычных публикаций по истории дальневосточной политики, которая проводилась Российской империей на рубеже XIX–XX вв. Отличительной чертой данной политики, по мнению исследователей, являлась нерасчлененность внешне- и внутривнутриполитических задач, а ее главным итогом — втягивание России в войну с Японией. Вместе с тем в центре внимания западных авторов находились не только внешнеполитические и военные аспекты «русской восточной экспансии» (их анализировали К. фон Цепелин, А. Малоземов, С. Маркс, Р. Квестид, Дж. Стефан), но и географические, демографические, социально-экономические (Б. Самнер, А. А. Лобанов-Ростовский, Р. Квестид, Д. Гайер, Дж. Ленсен и др.). Идеологическая составляющая дальневосточной политики (связанная с представлениями об исторической цивилизаторской миссии России в Азии и необходимости противостояния «желтой угрозе») рассматривалась в трудах А. Малоземова, Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе. Об экономических причинах освоения региона писали авторы, изучавшие процессы модернизации и политику «мирного проникновения» С. Ю. Витте (Б. Самнер, А. А. Лобанов-Ростовский, Р. Квестид, Д. Гайер, Дж. Ленсен и др.). Социокультурные процессы, обусловившие формирование национальной и региональной идентичности, анализировали Дж. Стефан, Ч. Й. Сьюй, Д. Вулф, Ш. Коррадо. При всем разнообразии концепций, предложенных англо- и немецкоязычными исследователями, можно выделить две основные тенденции в освещении темы. Для большинства работ характерен акцент на геополитическом контексте экспансионистских устремлений России как одной из «империалистических держав», участвовавших в разделе сфер влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем во многих исследованиях подчеркивается объективная потребность России в упрочении своих позиций на тихоокеанских рубежах, защите дальневосточных территорий, их заселении и хозяйственном освоении.

Ключевые слова: *западная историография, Дальний Восток, Сахалин, Маньчжурия, Транссибирская магистраль, КВЖД, колонизация, модернизация, фронт*

История Дальнего Востока России — тема, которой на Западе посвящена обширная историография, прежде всего англо- и немецкоязычная. Анализируя успехи и неудачи освоения русскими наиболее отдаленной имперской окраины, западные авторы уделяли особое внимание периоду, охватывающему конец XIX — начало XX в. и отмеченному ускоренным социально-экономическим и социокультурным развитием региона. Отличительной чертой дальневосточной политики, осуществлявшейся Российской империей в данный период, по мнению исследователей, являлась нерасчлененность внутри- и внешнеполитических задач, а ее главным итогом — нарастание острых международных противоречий и постепенное приближение катастрофической войны с Японией.¹

Соответственно, любые изменения в системе управления, общественно-политического и социально-экономического развития Дальневосточного региона рассматривались исследователями (как отечественными, так и зарубежными) в контексте международной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, межгосударственных дипломатических контактов и военных конфликтов. Такой подход позволяет расширить территориальные рамки исследования и включить в них наряду с российским Дальним Востоком также территории, оказавшиеся в сфере русского влияния (в частности, «Русскую Маньчжурию»).

Учитывая разнообразие оценок и концепций, предложенных англо- и немецкоязычными исследователями, сама история изучения данной темы на Западе давно является предметом историографического анализа. Авторы историографических исследований (А. Малоземов, Я. Кусбер, С. Коткин, И. В. Лукоянов, А. К. Дятлова и др.), изучавшие отдельные аспекты темы, пришли к выводу, что в XX в.

¹ См.: Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004. С. 522.

в работах англо-американских и немецких историков преобладал вывод об агрессивной империалистической политике Российской империи на Дальнем Востоке. Цель данной статьи — проанализировать концепции и теоретические подходы, изложенные в работах англо- и немецкоязычных исследователей,² опубликованных в XX — начале XXI в. и посвященных изучению дальневосточной политики России рубежа XIX–XX вв.; более полно осветить эволюцию представлений западных авторов о содержании и результатах этой политики.

В начале XX в. одними из первых к изучению темы обратились немецкие исследователи, принимавшие во внимание амбициозные планы Германии в Китае и, как следствие, проявлявшие повышенный интерес к той роли, которую играла на Дальнем Востоке Россия.³ Развивая традиции немецкой исторической школы, авторы делали акцент на роли государства, сосредотачиваясь в основном на военно-дипломатической истории, «которую творили политические лидеры», и одновременно проявляя слабый интерес к социальным, экономическим и культурным факторам.⁴ Соответственно, до 1914 г. наиболее обстоятельно немецкими авторами (военными наблюдателями, корреспондентами и др.) освещались события Русско-японской войны 1904–1905 гг., хотя в ряде работ ее причины и итоги рассматривались на фоне общей политики, проводившейся российским правительством на Дальнем Востоке со второй половины XIX в.

Так, в известном труде К. фон Цепелина, опубликованном в начале XX в., значительное внимание уделяется анализу социально-экономического развития Дальнего Востока.⁵ Компромиссную позицию, выраженную в работе К. фон Цепелина и признающую как успехи, так и трудности экономического развития Дальнего Востока России, не поддерживали некоторые современники автора (например, К. Виденфельд и В. Клумберг, отмечавшие в

основном негативные стороны процесса), однако в конце XX в. к ней вернулись К. Шписс, А. Морич, Д. Ландграф и др.⁶

В работах немецкоязычных исследователей (О. Франке, Г. Цюльке, К. Менерт, Г. Давид, О. Хайнц, П. Минрат и др.), увидевших свет в межвоенный период, подчеркивался агрессивный характер политики «российского империализма» и, соответственно, вынужденный характер ответных действий Японии.⁷ В современной историографии отмечают описательный характер, узость источниковой базы, отсутствие выводов и обобщений и в целом невысокая научная ценность указанных работ.⁸ Вместе с тем в немецкой историографии 1920–1930-х гг. существовало и другое направление, связанное прежде всего с именем О. Хетцша, расценивавшего колонизацию Сибири и Дальнего Востока как пример успешного освоения огромного «жизненного пространства» и полагавшего, что Россия протянула через Сибирь своего рода «мост между культурами Европы и Азии».

В послевоенный период об «особой агрессивности» политики царской России писали О. Хаузер и Ф. Хазелмайр.⁹ Основатель Тюбингенской научной школы Д. Гайер, связывавший российскую экспансию на Дальнем Востоке с модернизационными процессами, также считал, что предысторией Русско-японской войны прежде всего следует считать империалистическую экспансию в Маньчжурии и Корею, в чем проявилась самая суть «российского империализма».¹⁰

В современной немецкой историографии оценки несколько смягчились. Так, Я. Кусбер хотя и признает «агрессивность» русской экспансии, не усматривает в ней единственную причину начавшейся войны. По его мнению,

² Для периода 1949–1990 гг. автор данной статьи ограничился рассмотрением публикаций западногерманских историков, развивавших историографическую традицию немецкой русистики, заложенную в трудах О. Хетцша и К. Менерта.

³ См.: *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. New York, 1995.

⁴ См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С. 141–150.

⁵ См.: Zepelin C., von. *Der Ferne Osten. Seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit und seine Lage nach dem russisch-japanischen Kriege*. I–II. Teile. *Russland in Asien*. Bd. VIII. Berlin, 1907–1909.

⁶ См.: Дорожкин А. Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // *Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII — начала XX века*. Новосибирск, 2007. С. 41–49.

⁷ См.: Kusber J. *Der russisch-japanische Krieg 1904–1905 in Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur ueber den "kleinen siegreichen Krieg"* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 1994. Bd. 42, Heft 2. S. 217–234.

⁸ См.: Сепреев Е. Ю. *Англо-германские отношения на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. (конец политики «Блестящей изоляции»)*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.

⁹ См.: Hauser O. *Deutschland und der englisch-russische Gegensatz, 1900–1914*. Göttingen, 1958; Haselmayr P. *Diplomatische Geschichte des zweiten Reichs von 1871–1918*. Bände 4–5. München, 1960–1964; Сепреев Е. Ю. Указ. соч.

¹⁰ См.: Geyer D. *Der russische Imperialismus. Studien über den Zusammenhang von innerer und äusserer Politik 1860–1914* (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Band 27). Göttingen, 1977. S. 143.

движущим фактором политики Японии, который не следует недооценивать, было присущее японской дипломатии «ощущение досады» на то, что с ней не считались в период тройственной интервенции и «боксерского восстания».¹¹ Не склонен обвинять во всем российскую сторону и Д. Дальман, напоминая о столкновении в регионе интересов нескольких империалистических держав и полагающий, что в рассматриваемый период Китай превратился в «игрушку европейского империализма», а усиливавшаяся Япония при поддержке Великобритании стремилась укрепить свои позиции в Восточной Азии.¹²

В англо-американской историографии первые специальные работы, посвященные анализу дальневосточной политики России предреволюционного периода, появились на рубеже 1920–1930-х гг. во многом благодаря усилиям историков-эмигрантов. Наряду со сторонниками «традиционной» (термин А. Малоземова)¹³ концепции (в их числе — У. Лэнгер,¹⁴ Н. Пеффер¹⁵), берущей начало в трудах японских историков и обвиняющей в развязывании войны «ненасытный русский империализм»,¹⁶ встречались адепты точки зрения, изложенной в трудах дореволюционных российских авторов и противопоставляющей «дальновидную и эффективную» политику «мирного проникновения» (которую связывали с именем С. Ю. Витте) действиям «безобразовской клики» — истинной виновницы войны с Японией.

На Западе сторонником данной концепции выступил, в частности, А. А. Лобанов-Ростовский (1892–1979). В одной из статей, посвященной анализу международной ситуации на Дальнем Востоке в конце XIX в., он настаивал на том, что, несмотря на уступку Приамурья и Приморья, между Россией и Китаем сохранялись добрососедские отношения вплоть до 1897 г., когда произошел резкий перелом, выз-

ванный «возвышением интриганов и авантюристов в Санкт-Петербурге, отсутствием твердой руки, а также растущим страхом перед приближающейся революцией и возможным усилением влияния Японии в Китае после 1894 г.».¹⁷ По определению А. А. Лобанова-Ростовского, с этого времени Россия проводила политику «самого авантюристичного и агрессивного империализма».

Английский историк Б. Самнер согласился, что наиболее воинственно настроенной была «клика» А. М. Безобразова, тогда как военный министр А. Н. Куропаткин предлагал ограничиться присутствием в Северной и Восточной Маньчжурии, хотя, разумеется, не был готов отказаться от Порт-Артура. Политику С. Ю. Витте историк называл наиболее сдержанной, но одновременно задался вопросом, смог ли бы министр финансов сохранять контроль над Маньчжурией без мощной поддержки военного ведомства? По предположению Б. Самнера, если бы С. Ю. Витте, А. Н. Куропаткин и глава МИД В. Н. Ламздорф меньше конфликтовали друг с другом, они смогли бы совместно оказать противодействие планам А. М. Безобразова.¹⁸

Б. Самнер не ограничился анализом субъективных факторов, повлиявших на изменения в дальневосточной политике России. По его мнению, фундаментальная трудность заключалась в том, что «тип империализма», адвокатом которого выступал С. Ю. Витте, предполагал проведение спокойной, рассчитанной на долгий срок политики, подкрепленной чувством уверенности в завтрашнем дне. Однако эту уверенность поколебали действия Японии и других держав, а также назревавшая с 1900 г. в условиях экономического кризиса революционная ситуация в самой России, способом преодоления которой виделась «маленькая победоносная война». Другой причиной провала российской экспансии на Дальнем Востоке в начале XX в. Б. Самнер полагал исчезновение той прочной поддержки, которую ранее правительственному курсу оказывала значительная часть предпринимательских кругов и в целом российская общественность.

Заметным явлением в англоязычной историографии, посвященной рассматриваемой теме, явилась посмертная публикация в конце

¹¹ См.: Kusber J. Op. cit.

¹² См.: Дальман Д. Сибирь с XVI в. и до настоящего времени. М., 2015. С. 279–281.

¹³ См.: Malozemoff A. Russian Far Eastern policy: 1881–1904, with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese War. Berkeley, 1958. P. 318.

¹⁴ См.: Langer W. L. The Diplomacy of Imperialism, 1890–1902. New York, 1935.

¹⁵ См.: Peffer N. The Far East, a modern history. Ann Arbor, 1968. P. 194–196.

¹⁶ Впрочем, В. Г. Дацышен отмечает, что «жесткие оценки, акцент на критике российской политики, обличительный характер формулировок изначально не был присущ западным исследователям, а появился позднее, в силу политических причин». Об этом свидетельствуют, например, работы Х. Б. Морзе. См.: Дацышен В. Г. Российско-китайские отношения в 1881–1903 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2001.

¹⁷ Lobanov-Rostovsky A. Russian Imperialism in Asia: Its Origin, Evolution and Character // Slavonic and East European Review. 1929–1930. Vol. 8, № 22. P. 29–47.

¹⁸ См.: Sumner B. H. Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914. Raleigh Lecture on History, British Academy, 1940. London, 1940.

1950-х гг. монографии американского историка А. Малоземова, выходца из России, ученика основателя Калифорнийской исторической школы Р. Дж. Кернера. В работах представителей научной школы сочетались элементы теории колонизации С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, концепции «русской восточной экспансии», у истоков которой стоял американский историк Ф. А. Голдер, а также идей французской географической школы (П. Видаль де ла Блаш), что в целом соответствовало тенденции движения в сторону социальной и культурной истории, характерной для американской историографии межвоенного периода.

Монография А. Малоземова посвящена анализу дальневосточной политики России в 1881–1904 гг. В отличие от А. А. Лобанова-Ростовского, А. Малоземов не считал российско-китайские отношения неизменно дружественными. По его словам, «грубые» действия России в разрешении Кульджинского кризиса вызвали гнев цинского правительства, и со времени подписания Петербургского договора 14 февраля 1881 г. обе страны неуклонно наращивали силы в приграничных районах. В России многие полагали, что война неизбежна, и наиболее вероятной она казалась на Дальнем Востоке, где русское население было малочисленным, линии коммуникаций — плохо защищенными, а пограничные инциденты происходили наиболее часто.

Единственным способом защитить территории в бассейне Амура представлялось упреждающее наступление России на Маньчжурию. Именно эти цели во многом преследовало начавшееся железнодорожное строительство как внутри России, так и за ее пределами. В целом А. Малоземов не был склонен преувеличивать роль той или иной политической силы в формировании общего курса российской политики на Дальнем Востоке и призывал анализировать объективные факторы, способствовавшие активизации России в регионе в указанный исторический период: в частности, отмечал необходимость защиты ею своих восточных рубежей.

В 1960–1980-х гг. вслед за представителями Калифорнийской исторической школы западные исследователи сосредоточились на анализе объективных социально-экономических причин, обусловивших продвижение России на восток. Влияние концепции Р. Дж. Кернера о ведущей роли торговых интересов России на

Дальнем Востоке заметно в работах известного американского историка Дж. Ленсена, специалиста по истории русско-китайских и русско-японских отношений.¹⁹ Он подчеркивал, что царское правительство долгое время продолжало считать своим основным противником Китай, более всего опасаясь его возможного сближения с Японией и не осознавая в полной мере угрозу, исходившую от последней. По мнению Дж. Ленсена, именно усиление активности Японии на континенте, в Корее и Маньчжурии в итоге привело к столкновению с Россией.²⁰

На противоречивость и непостоянство политики Санкт-Петербурга на Дальнем Востоке указывает современный канадский историк Д. Схimmelпеннинк ван дер Ойе.²¹ Изменения дипломатического курса канадский исследователь объясняет влиянием различных концепций развития внешней политики: «конквистадорского империализма» (Н. М. Пржевальский), «восточничества» (Э. Э. Ухтомский), «мирного проникновения» (С. Ю. Витте) и «желтой угрозы» (А. Н. Куропаткин). Вместе с тем канадский историк признает, что главная причина заключается не в ошибках тех или иных деятелей, а в «неутолимых амбициях двух агрессивных государств в эпоху глобального соперничества великих держав». Данный вывод, по сути, близок к позиции У. Лэнгера, рассматривавшего Русско-японскую войну как «классический пример конфликта, начатого по сугубо империалистическим мотивам».²²

В XX в. в США одним из центров изучения истории российского Дальнего Востока стал Гавайский университет. У истоков данного исследовательского направления в университете стоял немецкий историк К. Менерт, ученик О. Хеттша, в конце 1930-х гг. уехавший из Германии после того как его учитель подвергся преследованиям со стороны нацистов. Разрабатывая курс по истории создания русскими

¹⁹ См.: Lensen G. A. The Russian Push Toward Japan. Russo-Japanese Relations, 1697–1875. Princeton, 1959; Idem. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884–1899. 2 vols. Gainesville, 1982.

²⁰ См.: Lensen G. A. Japan and Tsarist Russia — the Changing Relationships, 1875–1917 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neu folge. Oktober, 1962. Bd. 10, Heft 3. S. 337–348.

²¹ См.: Schimmelpenninck van der Oye D. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb, 2001; Idem. The Immediate Origins of the War // *The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero*. Leiden; Boston, 2005. Vol. 1. P. 23–44.

²² Langer W. L. The Origins of the Russo-Japanese War // *Exploration in Crisis: Papers on International History*. Cambridge, MA, 1969. P. 3.

континентальной державы, К. Менерт руководствовался мнением О. Хетцша об актуальности сопоставления исторического опыта различных регионов Европы и Азии.

В 1994 г. сотрудник Гавайского университета Дж. Стефан опубликовал монографию, в которой поворотным моментом в истории дальневосточной политики России назвал 1880-е гг., когда усилилось российско-британское соперничество, обострился кризис в отношениях с Китаем, активизировалась политика Японии в Азии. Большую роль, по мнению Дж. Стефана, играл и субъективный фактор — смена монарха на троне, а также назначение в 1882 г. главой МИД Н. К. Гирса. По мере того как правительство все больше осознавало геостратегическое значение дальневосточных территорий (от границы с Кореей до Берингова пролива), учреждение Приамурского генерал-губернаторства в 1884 г. привело к созданию «институциональных рамок для формирования региональной идентичности, отличной от сибирской».²³

Американский историк отмечает большие заслуги в развитии региона первых генерал-губернаторов Приамурья — А. Н. Корфа, С. М. Духовского, Н. И. Гродекова. В отличие от многих столичных чиновников, местные власти (в первую очередь Дж. Стефан называет А. Н. Корфа) призывали сосредоточиться на развитии собственных территорий, хорошо осознавая их уязвимость, и противостояли тем министрам, кто (как, например, С. Ю. Витте) считал важнейшей задачей имперскую экспансию в соседние страны. Дж. Стефан с сожалением констатирует, что в начале 1890-х гг. наследник престола Николай Александрович больше прислушивался к Э. Э. Ухтомскому, рассуждавшему об «исторической миссии» в Азии, нежели к барону А. Н. Корфу.

По словам историка, позицию местных властей в значительной мере проигнорировали и в более поздний период, когда Приамурье фактически превратилось в плацдарм для российской экспансии в Маньчжурию. Как в свое время Б. Самнер, Дж. Стефан приходит к выводу, что дальневосточная политика России на рубеже XIX–XX вв. была принесена в жертву межведомственным разногласиям и распрям. В столице разгорались конфликты между министерствами, на местах — между властями в Хабаровске и Порт-Артуре. Со

временем центр власти окончательно переместился в Маньчжурию, что получило институциональное выражение в создании Дальневосточного наместничества под руководством Е. И. Алексеева — по выражению Дж. Стефана, человека «некомпетентного и надменного», во многом ускорившего приближавшуюся войну с Японией.²⁴

В 1974 г. аспирант Гавайского университета Р. Б. Валлиант защитил диссертацию по теме «Транссибирская магистраль и Япония, 1885–1905 гг.».²⁵ Основываясь на анализе огромного массива документальных источников из японских архивов, исследователь пришел к выводу, что именно масштабное железнодорожное строительство в Азиатской России и Маньчжурии, продиктованное в первую очередь военно-стратегической необходимостью (на что ранее указывал А. Малоземов), вызывало наибольшее недовольство японских правящих кругов и в конечном счете сделало войну с Россией неизбежной. По замечанию Р. Б. Валлианта, в отличие от Транссибирской магистрали (и КВЖД как ее ответвления), трансконтинентальные железные дороги в США и Канаде не имели такого стратегического значения, а их строительство не вызывало столь сильного отклика в других странах.

Строительство железных дорог, как фактор, во многом определявший изменения курса дальневосточной политики России и сопредельных держав, послужило предметом исследований многих западных историков: С. Маркса,²⁶ Ф. Патрикеева, Г. Шукмана,²⁷ С. Пэйн,²⁸ Ч. Й. Сюй,²⁹ Д. Вулфа,³⁰ С. Урбанско-го³¹ и др. Для большинства из них несомненно,

²⁴ См.: Ibid. P. 61.

²⁵ Valliant R. B. Japan and the Trans-Siberian Railroad, 1885–1905: Ph.D. diss. Honolulu, 1974.

²⁶ См.: Marks S. G. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. London, 1991; Idem. The Burden of the Far East: the Amur Railroad Question in Russia, 1906–1916 // Sibirica: the Journal of Siberian Studies. 1993/1994. № 1. P. 9–28.

²⁷ См.: Patrikeeff F., Shukman H. Railways and the Russo-Japanese War: Transporting war. London; New York, 2007.

²⁸ См.: Paine S. C. M. Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858–1924. New York, 1996; Idem. The Chinese Eastern Railway from the First Sino-Japanese War until the Russo-Japanese War // Manchurian Railways and Opening of China. An International History. New York, London, 2009. P. 13–36.

²⁹ См.: Hsu Ch. Y. A Tale of Two Railroads: “Yellow Labor”, agrarian colonization, and the making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s–1910s // Ab Imperio. 2006. № 3. P. 217–253.

³⁰ См.: Wolff D. To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford, 1999.

³¹ См.: Urbansky S. Kolonialer Wettstreit. Russland, China, Japan und die Ostchinesische Eisenbahn (Globalgeschichte, Bd. 4). Frankfurt/Main; New York, 2008.

²³ Stephan J. The Russian Far East. A History. Stanford, 1994. P. 55.

что царское правительство осуществляло масштабное железнодорожное строительство за Уралом для решения прежде всего военно-стратегических задач.

Немецкая исследовательница Э.-М. Штольберг, объединившая в своих теоретических построениях элементы теорий модернизации и фронта,³² в одной из статей анализировала дальневосточную политику России в более широком региональном контексте Северо-Восточной Азии. Полагая, что строительство Транссиба и КВЖД создало условия для эксплуатации природных ресурсов на сибирском и маньчжурском фронтах, Э.-М. Штольберг подчеркивает, что железные дороги являлись символом имперского величия, а также инструментами военного и экономического контроля над окраинами. Необходимость усиления такого контроля объяснялась возросшей «желтой угрозой». Так, российский министр путей сообщения К. Н. Посыет предостерегал, что набирающая обороты экономическая активность японцев может привести к отделению Сибири и Дальнего Востока от России и превратить их в японскую колонию. Как и приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, он считал, что приток японских мигрантов и предпринимателей подорвет «русскую культуру и цивилизацию в Сибири».³³

В конце XX в. в условиях «культурного» и «пространственного» поворотов в западной историографии англо-американские и немецкие исследователи сосредоточились на изучении социокультурного развития Дальнего Востока, переосмыслив содержание таких понятий, как «регионализм», «регион», «фронт», «граница» и «пограничные области». Так, в монографии Д. Вулфа, опубликованной в 1999 г., предметом исследования является история формирования российского анклава в Харбине. Автор, с одной стороны, показывает связь этого анклава с русским населением Приамурья («амурцами», существенно отличавшимися от населения Европейской России), с другой — подчеркивает уникальность его культуры, сочетавшей в себе азиатские и европейские черты.³⁴

В одной из своих статей Д. Вулф обосновывает правомерность изучения истории Русской Маньчжурии в рамках исследований по дореволюционной истории российского Дальнего Востока. По мнению Д. Вулфа, если признать, что государственные границы являются «социально-сконструированным феноменом» и слабо помогают при анализе транснациональных явлений, то в рамках «региональной истории» можно объединить элементы «национальных историй» разных стран. Акцент на общих элементах социальной истории различных регионов, образующих транснациональный регион «Северо-Восточная Азия», позволяет увидеть, как соотносятся «регионализм в широком смысле» и «регионализм в узком смысле».³⁵

В монографии немецкого историка С. Урбанского анализируется история формирования и изменения русско-китайской границы (в том числе в рассматриваемый исторический период), что, по определению автора, было «делом рук не только государств, но и рядовых людей».³⁶ На основе изучения обширного массива архивных материалов С. Урбанский показывает, каким образом центральная власть пыталась установить контроль над государственной границей в зоне фронта и в «пограничных областях» (*borderlands*); как местные жители противостояли этим действиям, и как порой они сами становились агентами государственной власти или жертвами ее произвола. Объединяя подходы «истории сверху» и «истории снизу», автор анализирует политику метрополий и показывает гибкость стратегий и практик, благодаря которым местное население адаптировалось к изменениям границы.

В центре внимания американской исследовательницы Ш. Коррадо оказались социокультурные процессы, связанные с изучением и освоением русскими острова Сахалин в 1849–1906 гг. В 2010 г. Ш. Коррадо защитила диссертацию, в которой попыталась определить место Сахалина в «русском имперском воображении».³⁷ Рассматривая переход России к «модерному» обществу и роль Сахалина в этом процессе, автор оспаривает преобладающее

³² См.: Stolberg E.-M. "The Unknown Enemy": The Siberian Frontier and the Russo-Japanese Rivalry, 1890s–1920s // *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904–1905*. Folkestone, 2007. P. 46–62.

³³ Ibid. P. 48.

³⁴ См.: Wolff D. Op. cit. См. также: Лукоянов И. В. «Не отстают от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008. С. 60.

³⁵ Wolff D. *Russia Finds Its Limits: Crossing Borders into Manchuria // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. New York, 1995. P. 40–64.

³⁶ Urbansky S. *Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border*. Princeton, 2020. P. 2.

³⁷ Corrado Sh. M. *The "End of the Earth": Sakhalin Island in the Russian Imperial Imagination, 1849–1906*. Ph.D. diss. University of Illinois at Urbana-Champaign, 2010.

мнение о том, что штрафная колонизация Сахалина свидетельствовала об отсталости России. Ш. Коррадо доказывает, что факторы, которые породили «Великие реформы» и привели к колонизации Сахалина и ссылке уголовников на остров, парадоксальным образом соответствовали европейским ценностям Нового времени — ценностям науки, гуманизма и рационализма.

Дж. Стефан в своей монографии анализирует социокультурные процессы в масштабах всего российского Дальнего Востока, указывая на неразрывную связь этих процессов, особенно на начальном этапе, с пробуждением «сибирского регионального сознания». Историк заключает, что на рубеже XIX–XX вв. жители Дальнего Востока демонстрировали двойственное отношение к Сибири, всё больше осознавая собственные интересы, особенно после того, как проявились негативные последствия российского проникновения в Маньчжурию. Дж. Стефан подчеркивает, что во Владивостоке областническое движение отличалось от областничества в Томске, и указывает на своеобразный состав и круг задач дальневосточной интеллигенции, в которой заметную роль играли морские офицеры, а в дискурсе просматривались Восточная Азия и Тихоокеанский регион.

По мнению А. К. Дятловой, особенностью современной англо-американской историографии является стремление отойти от подходов времен холодной войны. Вместе с тем нельзя не заметить, что некоторые англо-американские исследователи (С. Пэйн, И. Ниш и др.) воспроизводят положения традиционной концепции, видящей истоки Русско-японской войны преимущественно или даже исключительно в «агрессивности русского империализма». В рамках такого подхода история межгосударственных противоречий и конфликтов, разворачивавшихся в Дальневосточном регионе на рубеже XIX–XX вв., соотносится с современной ситуацией, что позволило американской исследовательнице С. Пэйн, в частности, высказать предположение о неизбежности новых столкновений в регионе в будущем.³⁸

Таким образом, авторы англо- и немецкоязычных публикаций, увидевших свет в первой трети XX в., рассматривали Российскую империю в ряду других «империалистических держав», преследовавших собственные политиче-

ские и экономические цели на Дальнем Востоке. В межвоенный период ряд западных исследователей (в Германии — в работах О. Хетцша и его последователей; в США — представителей Калифорнийской исторической школы) сосредоточились на изучении объективных условий, способствовавших российской экспансии в Дальневосточном регионе. Вместе с тем в условиях нарастающего противостояния между СССР и капиталистическим миром в западной историографии со временем возобладало представление об «особой агрессивности» дальневосточной политики России на рубеже XIX–XX вв. (У. Лэнгер, Д. Даллин, Н. Пеффер, И. Ниш, С. Пэйн, Д. Гайер и др.).

Для современной англо- и немецкоязычной историографии, посвященной истории присоединения и освоения русскими Северной Азии, необходимо отметить высокую степень взаимовлияния историографических традиций и школ (так, в Гавайском университете на протяжении десятилетий развивались традиции, заложенные немецким историком К. Менертом; в современной немецкой историографии широко распространена теория фронта, предложенная американцем Ф. Дж. Тернером, и т. д.). Объединяя в своих теоретических построениях элементы теорий колонизации и модернизации, современные авторы также испытали на себе влияние подходов «новой социальной и культурной истории».

Более объективному освещению темы способствовало расширение источниковой базы исследований. В отсутствие свободного доступа в советские архивы западные историки широко использовали публикации российских и советских специалистов, документальные источники из архивов США, стран Европы и Азии. С конца 1980-х гг. зарубежные исследователи (Дж. Стефан, Д. Вулф, Э.-М. Штольберг и др.) активно работают в российских архивах. Многие современные историки придерживаются более взвешенной точки зрения, не возлагая на Россию всю полноту ответственности за конфликт с Японией и подчеркивая объективную потребность русских в упрочении своих позиций на тихоокеанских рубежах, защите дальневосточных территорий, их заселении и хозяйственном освоении.

³⁸ См.: Wilson J. L. *Rec. ad op.*: Paine S. C. M. *Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier*. Armonk, New York, 1996 // *China Review International*. 1999. Vol. 6, № 1. P. 223–226.

Denis A. Anan'ev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: *denis.ananyev@gmail.com*

**RUSSIA'S FAR EASTERN POLICY IN THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURY
IN THE WORKS OF THE ENGLISH AND GERMAN-LANGUAGE RESEARCHERS**

The paper analyzes the works of the English- and German-language researchers who studied the history of Russia's Far Eastern policy at the turn of the 19th–20th centuries. According to these scholars, a striking feature of that policy was the inseparability of the foreign and internal political tasks, while its main result was Russia's involvement in the war against Japan. However, Western authors focused not only on the foreign policy and military aspects of the "Russian eastward expansion" (analyzed by C. von Zepelin, A. Malosemoff, S. Marks, R. Quested, J. Stephan) but also on the geographic, demographic, social and economic aspects (B. Sumner, A. A. Lobanov-Rostovsky, R. Quested, D. Geyer, J. Lensen et al.). The ideological component of the Far Eastern policy (associated with the ideas of Russia's historical civilizing mission in Asia and the need to oppose the "Yellow Peril") was considered in the works by A. Malozemoff, D. Schimmelpenninck van der Oye. The economic reasons for the development of the region were discussed by the authors who studied processes of "modernization" and S. Yu. Witte's policy of "peaceful penetration" (B. Sumner, A. A. Lobanov-Rostovsky, R. Quested, D. Geyer, J. Lensen et al.). Sociocultural processes that led to the formation of "national identity" and "regional identity" were analyzed by J. Stephan, Ch. Y. Hsu, D. Wolff, Sh. Corrado. Despite the diversity of conceptions proposed by the English- and German-language researchers it is possible to identify the two key trends in the study of the topic. The majority of works emphasized the expansionist intentions of Russia as one of the "imperialist powers" who participated in dividing spheres of influence in the Asia-Pacific region. However, many authors acknowledged Russia's objective need to strengthen its position on the Pacific frontier, to protect its Far Eastern territories, to settle them and develop their economy.

Keywords: *western historiography, Far East, Sakhalin, Manchuria, Trans-Siberian Railroad, Chinese Eastern Railway, colonization, modernization, frontier*

REFERENCES

- Corrado Sh. M. *The "End of the Earth": Sakhalin Island in the Russian Imperial Imagination, 1849–1906: PhD Diss.* University of Illinois at Urbana-Champaign, 2010. (in English).
- Dalman D. *Sibir's XVI v. i do nastoyashchego vremeni* [Siberia since the 16th century up to present time]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015. (in Russ.).
- Datsyshen V. G. *Rossiysko-kitayskiye otnosheniya v 1881–1903 gg.: doct. diss.* [Russian-Chinese relations in 1881–1903: Diss. Doc.]. Irkutsk, 2001. (in Russ.).
- Dorozhkin A. G. [The resettlement policy of the autocracy and the economic development of Siberia and the Far East in the late 19th — early 20th centuries in the coverage of the German-language historical and economic literature]. *Rol' gosudarstva v khozyaystvennom i sotsiokul'turnom razvitiy Aziatskoy Rossii XVII — nachala XX veka* [The role of the state in the economic and socio-cultural development of Asian Russia in the 17th — early 20th century]. Novosibirsk: RIPEL Publ., 2007, pp. 41–49. (in Russ.).
- Geyer D. *Der russische Imperialismus. Studien über den Zusammenhang von innerer und äusserer Politik 1860–1914.* Göttingen: Vandenhöck & Ruprecht, 1977. (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Band 27). (in German).
- Haselmayr P. *Diplomatische Geschichte des zweiten Reichs von 1871–1918.* München: Bruckmann, 1960–1964, bd. 4–5. (in German).
- Hauser O. *Deutschland und der englisch-russische Gegensatz, 1900–1914.* Göttingen: Musterschmidt, 1958. (in German).
- Hsu Ch. Y. A Tale of two railroads: "Yellow Labor", agrarian colonization, and the making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s–1910s. *Ab Imperio*, 2006, no. 3, pp. 217–253. DOI: 10.1353/IMP.2006.0053 (in English).
- Iggers G., Van E. *Global'naya istoriya sovremennoy istoriografii* [A Global history of modern historiography]. Moscow: Kanon+ Publ., 2012. (in Russ.).
- Kusber J. Der russisch-japanische Krieg 1904–1905 in Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur über den "kleinen siegreichen Krieg". *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, 1994, Bd. 42, Heft 2, ss. 217–234. (in German).
- Langer W. L. *The Diplomacy of Imperialism, 1890–1902.* New York: Alfred A. Knopf, 1935, 2 vols. (in English).

- Langer W. L. The origins of the Russo-Japanese war. *Exploration in Crisis: Papers on International History*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1969, pp. 3–45. (in English).
- Lensen G. A. *Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884–1899*. Gainesville: University Presses of Florida, 1982, 2 vols. (in English).
- Lensen G. A. Japan and Tsarist Russia — the Changing Relationships, 1875–1917. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neu folge*, 1962, Bd. 10, Heft 3, ss. 337–348. (in English).
- Lensen G. A. *The Russian Push Toward Japan. Russo-Japanese Relations, 1697–1875*. Princeton: Princeton University Press, 1959. (in English).
- Lobanov-Rostovsky A. Russian Imperialism in Asia: its Origin, Evolution and Character. *Slavonic and East European Review*, 1929–1930, vol. 8, no. 22, pp. 29–47. (in English).
- Lukoyanov I. V. “*Ne otstat’ ot derzhav...*”. *Rossiya na Dal’nem Vostoke v kontse XIX — nachale XX vv.* [“Keep up with the powers ...”. Russia in the Far East in the late 19th — early 20th centuries]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2008. (in Russ.).
- Malozemoff A. *Russian Far Eastern policy: 1881–1904, with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese War*. Berkeley: University of California Press, 1958. (in English).
- Marks S. G. *Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917*. London: I. B. Tauris and Co Ltd Publishers, 1991. (in English).
- Marks S. G. The Burden of the Far East: the Amur Railroad Question in Russia, 1906–1916. *Sibirica: the Journal of Siberian Studies*, 1993/1994, no. 1, pp. 9–28. (in English).
- Paine S. C. M. *Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858–1924*. New York: Routledge, 1996. (in English).
- Paine S. C. M. The Chinese Eastern Railway from the First Sino-Japanese War until the Russo-Japanese War. *Manchurian Railways and Opening of China. An International History*. New York; London: Sharpe, 2009, pp. 13–36. (in English).
- Patrikeeff F., Shukman H. *Railways and the Russo-Japanese war: Transporting war*. London; New York: Routledge, 2007. (in English).
- Peffer N. *The Far East, a modern history*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1968. (in English).
- Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. New York: M. E. Sharpe, Inc., 1995. (in English).
- Remnev A. V. *Rossiya Dal’nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX — nachala XX vekov* [Russia of the Far East. Imperial geography of power in the 19th — early 20th centuries. Omsk: OmGU Publ., 2004. (in Russ.).
- Schimmelpenninck van der Oye D. The Immediate Origins of the War. *The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero*. Leiden, Boston: Brill, 2005, vol. 1, pp. 23–44. (in English).
- Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001. (in English).
- Sergeev E. Yu. *Anglo-germanskiye otnosheniya na Dal’nem Vostoke v kontse XIX — nachale XX vv. (konets politiki “Blestyashchey izolyatsii”): avtoref. kand. diss.* [Anglo-German relations in the Far East in the late 19th — early 20th centuries (the end of the policy of “Brilliant isolation”): Abst. Diss. Cand.]. Moscow, 1993. (in Russ.).
- Stephan J. *The Russian Far East. A History*. Stanford: Stanford University Press, 1994. (in English).
- Stolberg E.-M. “The Unknown Enemy”: The Siberian Frontier and the Russo-Japanese Rivalry, 1890s–1920s. *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904–1905*. Folkestone: Global Oriental Ltd, 2007, pp. 46–62. (in English).
- Sumner B. H. *Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914. Raleigh Lecture on History, British Academy, 1940*. London: Humphrey Milford, 1940. (in English).
- Urbansky S. *Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border*. Princeton: Princeton University Press, 2020. (in English).
- Urbansky S. *Kolonialer Wettstreit. Russland, China, Japan und die Ostchinesische Eisenbahn*. Frankfurt/Main; New York: Campus Verlag GmbH, 2008. (Globalgeschichte, Bd. 4). (in German).
- Valliant R. B. *Japan and the Trans-Siberian Railroad, 1885–1905: PhD Diss*. Honolulu: University of Hawaii, 1974. (in English).
- Wilson J. L. Rec. ad op.: Paine S. C. M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk; New York: M. E. Sharpe. 1996. 417 p. *China Review International*, 1999, vol. 6, no. 1, pp. 223–226. (in English).
- Wolff D. Russia Finds Its Limits: Crossing Borders into Manchuria. *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. Armonk; New York: Sharpe, 1995, pp. 40–64. (in English).
- Wolff D. *To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1999. (in English).